

ГЛАВА 1

ДЕВЯТЫЙ СЫН ЦИНЬСКОГО ВАНА

1

В минуты одиночества Гэлань, бывало, взбирался на крыши домов — над планетой, свистя, уже проносился вечерний ветер — и спешил к своему единственному другу.

Идти по крыше дворца он не решался: боялся, что стража его отчитает. А в худшем случае шум мог разбудить отца, и тогда проблем не оберешься. Поэтому Гэлань, кутаясь в халат, тайком забирался на крыши низеньких, тесно скученных вокруг дворца построек. В его воображении побег выглядел очень романтично: черная черепица то устремлялась вниз, то взмывала ввысь, словно морские волны, и принцу казалось, что он скользит по воде. Весь мир погружался в сон на дне океана, а он сам был абсолютно невидим. Впрочем, принц никогда не бывал на море, и потому романтический пейзаж навевал слегка меланхоличное настроение.

Вопреки ожиданиям Гэлания, его побег сложно было не заметить: принц любил белые одежды, так что фигура, несущаяся поверху, неизбежно бросалась в глаза.

— Смотрите, смотрите, — крикнул кто-то из стражников. — Девятый принц снова по крышам гуляет!

— Тсс, не кричи. Напугаешь его, еще упадет, и что тогда? — ответила служанка.

— Велика беда, — присоединился второй стражник. — Ну упадет, ну сломает себе пару костей. В царской библиотеке все равно достаточно органов на замену.

— Но ведь такой худой, поди больно, — вздохнула служанка.

— И то верно. Все восемь братьев — крепкие парни! И только этот совсем хилый, вечно болеет. Слабоват он для наследника...

— Тише! Тут один тоже так говорил... Забыл, что с ним стало?

Второй стражник сразу же замолк.

Ветер скрывал звуки их голосов, но порой обрывки фраз все же доносились до ушей Гэлания. Раньше, услышав такое, он всегда расстраивался. Принц не понимал, почему, будучи точной генетической копией отца, выращенный в той же питательной среде, что и братья, он единственный выдался таким хилым — словно из него выкачали всю физическую силу.

Другие восемь сыновей правителя вышли выносливыми, их внешность внушала трепет, и только девятый принц Цинь был совсем нескладный, да и мужественности ему явно недоставало. И все лишь потому, что во время клонирования случился технический сбой и сотни генов были записаны неправильно. По легенде, царские генетики буквально дрожали от страха, передавая младенца правителю, и еще до того, как он успел что-то сказать, поспешили отбивать земные поклоны. Когда же Ин Сянь, отец Гэлания, увидел, что ребенок внешне отличается от остальных, он ужасно разгневался, ругая их на чем свет стоит. И все же, глядя на малыша, лепечущего что-то себе под нос, правитель постепенно остыл, и выражение его лица подобрело.

Один из генетиков осмелился предложить:

— Ваше величество, мы не знаем, как так вышло... Если вы недовольны, давайте уничтожим бракованный экземпляр. Можно вновь взять ваш генетический материал и создать идеального принца...

— Как ты смеешь! Разве это не мои царские гены? И ты называешь их бракованными?!

В итоге болтуна сделали козлом отпущения и казнили, а остальным ученым удалось избежать смертного приговора: их сослали на далекую планету заниматься генной модификацией сельскохозяйственных культур.

Никто больше не осмеливался заговаривать об этом, но и без слов было понятно: девятый принц — бракованный. Родные братья недолюбливали Гэланя, и только самый старший относился по-доброму, без пренебрежения.

К счастью, Гэлань уже свыкся со своей особенностью: да, у него не было крепких мышц и военных талантов, но он по крайней мере отличался особой ловкостью — мог прыгать с крыши на крышу и быстро добираться куда захочет.

В этот раз он направлялся в район, где жили бедняки.

Спустя полчаса построек впереди становилось все меньше и меньше. Гэланю пришлось спрыгнуть на землю; он миновал пару кварталов, дошел до громадной сигнальной вышки и медленно поднялся по аварийной лестнице на самый верх. Когда он добрался до места встречи, стояла глубокая ночь. Три луны поднялись в зенит, проливая яркий свет на город, и принц разглядел фигуру, сидящую на вершине башни.

— Амон! — радостно крикнул он. — Давно ты тут?

Молодой человек повернул голову, улыбнулся Гэланю и похлопал ладонью, приглашая сесть рядом с собой.

— Да, давно, сяо Гэ¹, — ответил он. — Ждал тебя.

¹ Приставка «сяо» в китайском языке используется для обращения к друзьям, чаще старшими по отношению к младшим, по аналогии с уменьшительно-ласкательными суффиксами в русском языке.

Сигнальная башня располагалась на окраине города — на планете Юнду это было самое высокое строение, хотя его высота составляла меньше пятидесяти метров. Они уселись за перила, ветер свистел, развевая полы их одежды. Но у Гэланя был совсем новый, богатый халат, а у Амона — простое холщовое платье, через дырку на котором виднелась огрубевшая кожа.

— Слышал, — Амон посмотрел вниз, — что только у нас в Цинь строят такие низкие дома. В других странах здания до небес.

Гэлань оглядел город.

— Да, — кивнул он. — Я читал, что в этом царстве Ци нет равных. Они даже строят гигантские кольца вокруг звезд. Планета Тайлян в царстве Вэй тоже очень современная: везде огромные небоскребы и монорельсы, всю ночь горят неоновые огни...

— Но, говорят, самое удивительное место — это Чу. Правда?

— Да! — ответил Гэлань. — Чу отличается от остальных царств. Там сочетается духовное и светское управление. Обычно решения принимает парламент, но в критических ситуациях в государственные вопросы вмешиваются жрецы. Эти люди пришли из дикой галактики, заселенной фантастическими существами. Они достигли наибольших успехов в биотехнологиях, и даже их космические корабли выглядят как огромные живые существа, вроде громадного кита или черепахи. О, а еще деревья! Они живут на них, и деревья эти выше, чем небоскребы, и могут двигаться...

— Какой странный мир! Вот бы увидеть...

— Точно... совсем другая жизнь... — Гэлань задумался. — Слушай, Амон, ты сегодня какой-то странный.

— Разве? — Амон встал на ноги. Улыбка выдавала его смущение.

— Да. Обычно ты не такой сентиментальный... — Гэлань задумался. — Неужели тебе о Чу рассказал кто-то... особенный?

— Вовсе нет...

Гэлань вскочил и ударил его по плечу.

— От меня не скроешь!

— Ладно-ладно, — ответил Амон. Здоровенный, он был на голову выше Гэланя. — Мне об этом рассказала одна девушка.

— Да ну!

— Самая красивая в мире!

— Ничего себе!

— И я хочу встречаться с ней...

— Вперед! — подбодрил друга Гэлань. — А где вы познакомились?

— Во дворце юнганьского князя, — ответил Амон, — она там прислуживает.

Сердце Гэланя вдруг пропустило удар, и он замер с открытым ртом. Друг продолжал рассказывать о девушке, на лице его вспыхивало то смущение, то радость, но проступала еще и надпись «раб №» и длинная цепочка цифр на лбу.

Да, Амон принадлежал к сословию рабов.

Более пяти тысяч лет назад правитель Чжоу, чей дворец располагался в самом центре Млечного Пути, подчинил своей власти ближайшие территории. Говорят, тогда настала эпоха невероятного расцвета. Все были равны: не существовало различий между рабами и свободными людьми — жители галактики были одинаково богаты и имели все, что нужно для счастья. В те времена продолжительность жизни достигала тысячи лет, а технологии и вовсе поражали воображение: по легенде, червоточины можно было открывать в любой момент. Достижения этой цивилизации разлетались по другим планетам и, словно семена одуванчика, быстро пускали корни и прорастали на чужой почве. Стремясь расширить границы государства, правитель Чжоу отправлял космические экспедиции далеко за пределы галактики.

И вот однажды на одном из таких космических кораблей, бороздивших дальние просторы Вселенной, нашли ящик. Исторические записи о находке расплывчаты, но все говорят об одном: когда ее открыли, нечто невообразимо страшное вырвалось на

свободу. Кто-то говорил, что это была чума, кто-то — огромный дракон. А некоторые утверждали, будто из ящика вышла злая ведьма, столь прекрасная, что могла свести людей с ума...

Так или иначе, вскоре цивилизация Чжоу пришла в упадок.

Млечный Путь потускнел. Огромное государство распалось на тысячи самостоятельных княжеств, каждое со своей армией, вынужденных уживаться на одной территории. Началась война, и лишь тысячи лет спустя земли Чжоу поделили между собой семь межгалактических царств. Каждое переняло только часть древних технологий, многие же оказались утрачены навсегда. Огонь войны не только уничтожил знания, но и превратил в пепел идеалы свободы и равенства.

Царство Цинь унаследовало технологию создания клонов. Во времена Чжоу клонирование людей было строго запрещено по этическим причинам. Но когда династия пала, в живых остались лишь триста солдат и всего несколько женщин; и хотя они сбежали на край вселенной, враги продолжали их преследовать. Поэтому военачальник обратился к своей армии: «Что сейчас важнее: мораль или выживание?» Ответ был очевиден.

Он объявил: «Раз это аморально, с этого дня не существует никакой морали». Его армия смогла продлить себе жизнь благодаря клонированию, постепенно их силы крепили, и вскоре триста новых семей образовали собственное государство. Тем военачальником был не кто иной, как Сян-ван, будущий первый правитель Цинь.

Вот почему на протяжении своей истории царство Цинь часто пренебрегало этикой. Триста самых знатных, почитаемых и древних родов получили княжеские титулы сразу после основания государства. Остальные люди выходили из инкубатора, уже лишённые прав, — они либо становились рабами, над которыми постоянно издевались хозяева; либо шли на войну погибать. Женщинам запрещалось даже рожать детей; их держали в домах лишь для прихотей знати.

Амон выполнял черную работу в доме правителя округа Чанлэ. А девушка, в которую он влюбился, прислуживала в доме князя Юньяня.

Разница в их с принцем положениях была колоссальной.

— Ха-ха, шучу!.. — увидев выражение лица Гэляня, Амон нахмурился. — Я не уйду. Я стану генералом твоей армии, когда ты взойдешь на престол.

«Глупости, — подумал Гэлянь, — я никогда не смогу стать правителем Цинь, а Амону никогда не позволят возглавить армию». В любой другой день он бы поправил друга, но сегодня разговор и так выдался слишком серьезным, и он просто промывчал что-то в ответ.

Некоторое время они сидели в полной тишине, как вдруг Амон указал пальцем в сторону:

— Взгляни туда.

Гэлянь посмотрел на запад. Хотя весь город утопал во мраке, на нескольких улицах по-прежнему горели фонари, а из труб поднимался дым — густой, темнее ночи — и доносился едва слышный грохот.

— Это...

— Завод по производству клонов.

— Они работают ночью?

— Так ведь война, сяо Гэ, война!

Амон вдруг повеселел и начал воодушевленно объяснять другу:

— Сидишь у себя во дворце, книжки читаешь, а знать ничего не знаешь. Мы ведь уже много лет воюем с царством Вэй. Сейчас главные сражения ведутся за червоточину Ханьгу, и я слышал, что на сей раз наши враги неплохо подготовились! Их военные роботы уже не настолько тупые, как раньше. Мы несем большие потери, так что заводы работают даже по ночам, чтобы бесперебойно отряжать новых солдат на поле боя. Говорят,

нынешние клоны рождаются уже совсем взрослыми — хватают оружие и сразу идут воевать.

— Но они же... недоразвиты?

— Сяо Гэ, не всем так повезло, как тебе, — Амон взглянул на друга. — Не у каждого было счастливое детство. Мне, например, исполнилось всего двенадцать, когда я покинул инкубатор. Я не знаю, что такое взрослеть...

— Прости.

— Ничего, — Амон отмахнулся. — Все же мне повезло больше, чем многим... Как ни крути, ситуация на поле боя тяжелая. Думаю, скоро понадобится куда больше солдат. И тогда знатные дома начнут отдавать своих рабов. Может, я все же попаду на войну!

— Но ведь... — Гэлань запнулся. — Это опасно...

— Да, но только на войне можно совершить подвиг. — Амон сделал шаг вперед. Порядковый номер на его лбу сверкнул в темноте. — За каждый подвиг будет исчезать по цифре. Когда я совершу двадцать три подвига, слово «раб» полностью сотрется. Я стану свободным! Мне не придется больше подтирать задницу своему хозяину! И тогда смогу быть с ней!..

— Двадцать три подвига... Одна ошибка, Амон, и ты будешь мертв!

Это предположение удивило юношу, он поднял брови и сказал равнодушно:

— Пустяки! Даже если так, мое тело просто закинут в печь, и потом я снова выйду из инкубатора!

Почему-то чем больше Амон радовался, тем грустнее становилось Гэланю. Конечно, он знал, что уже пять лет идет война. Однако принц был столь далек от происходящего, что слово «война» для него не имело никакого смысла и не ассоциировалось с кровопролитными сражениями. К тому же войны — дело обычное в эпоху раздела вселенной. Ему всегда казалось:

вот-вот настанет мир, после чего, как и прежде, он продолжит скучать в унылом дворце, пока не умрет его отец и на престол не взойдет старший брат Цзилань, и тогда девятому принцу по традиции перепадет несколько галактик в качестве удела, где он проведет остаток своей жизни.

Однако тучи сгущались над планетой Юнду. Отец с каждым днем выглядел все более встревоженным, люди во дворце были напуганы, а теперь война могла затянуть в свой водоворот и единственного друга Гэланя.

2

Когда он вернулся во дворец, уже рассветало.

Гэлань шел на цыпочках и так старался ничего не задеть по пути, что, свернув за угол, сам не заметил, как врезался в нечто высокое.

— Сын? — мужчина сначала удивился, а потом нахмурился. — Опять болтался по городу?

Услышав знакомый голос, девятый принц невольно вздрогнул.

— Отец... — робко произнес он.

Перед ним стоял хозяин великого царства Цинь Ин Сянь — властелин бесчисленных галактик и повелитель громадной армии клонов. Обычно этот могущественный человек был окружен многочисленной свитой, но в коридоре поздней ночью неожиданно оказался один.

— Чтоб больше такого не было, — заметил он строго. — Ситуация сейчас напряженная, и люди на улице встречаются разные. Никогда не знаешь, что у них на уме.

— Понял, — Гэлань быстро кивнул и собирался уйти, но отец положил руку ему на плечо.

— Молодец, — похвалил он. — Пошли со мной.

Принц послушно последовал за отцом. Одолев коридор, они подошли к тайной двери за залом совещаний. Когда та открылась, принц увидел внутри двух человек.

— Брат! — Гэлань вприпрыжку бросился к рослому юноше, стоящему слева. Хотел обнять его, но вспомнил, что уже не ребенок, и, смутившись, замер с раскрытыми руками.

Но старший брат только рассмеялся и крепко обнял его в ответ.

— Эх, братец, ты все кожа да кости! — рассмеялся он. — Позавчера на планете Титан подстрелил семирапого медведя — завтра тебе пришло пару лап. Нужно лучше питаться!

— Цзилань, как давно мы не виделись! — к глазам Гэланя подступили слезы.

— Ха-ха! Но теперь-то будем видеться часто.

В это время рядом со старшим братом кто-то кашлянул — Гэлань повернулся и увидел точную копию лица Цзиланя.

— Второй брат, — произнес он серьезно и сразу же отступил. Тот лишь кивнул в ответ.

Все сыновья циньского вана наследовали гены Ин Сяня. Чтобы избежать путаницы, их предок Сян-ван установил правило: каждый год создавать не более одного ребенка, чтобы младшего отличать от старшего, и не заводить больше девяти сыновей. Но на деле все правители и принцы выходили копией самого Сян-вана: внешне отец почти не отличался от сына, а братья выдавались одинаковы лицом. И все же в Цинь не рискнули отказаться от привычных терминов родства.

Цзилань был старше Таланя всего на год, и хотя выглядели они почти неразличимо, Гэлань всегда мог их распознать: старший из братьев был прямолинейным и решительным, славился своим бесстрашием, второй же брат отличался хладнокровием и всегда ходил угрюмый.

Но не только это отличало их. Старший брат Цзилань хорошо относился к девятому принцу, а Талань его недолюбливал. Гэлань догадывался почему. Как самому младшему, ему